Как «русский националист» оказался на поверку украинским

Сергей Беляков, доселе известный своей огромной и весьма интересной (хотя и крайне субъективной) биографией Льва Гумилева, выпустил новую книгу «Тень Мазепы: украинская нация в эпоху Гоголя», в которой сорвал с себя маску «русского национал-демократа», как он раньше себя позиционировал, и показал свое истинное лицо пропагандиста и трубадура самой грубой и примитивной формы «украинства». Подробный разбор содержания этой вызывающе антирусской книги был опубликован Александром Ефремовым (http://rueuro.ru/item/47-teni-okrain), после чего последовал ответ самого Белякова (http://rueuro.ru/item/48-oni-drugie-portugaltsy), о котором мы сейчас и поговорим. Заметим лишь вскользь, что недавно появившийся и пока что малоизвестный сайт «Русский европеец» уже успел запатентовать себя призывами к насильственному свержению конституционного строя в России (http://rueuro.ru/item/45-russkaya-dushevnost-i-yurgen-khabermas) и апологией глашатая Фининтерна Юргена Хабермаса – того самого, который призывал бомбить Югославию. Избранная Беляковым площадка для рекламы своей книги говорит о многом. Но еще больше, конечно, говорит сам его ответ Ефремову.

Если статья Ефремова представляет собой строго научный анализ откровенно лживых тезисов Белякова, но без малейшего перехода на личности, то Беляков отвечает в нахальном, ёрническом тоне. Обратимся, однако, к существу вопроса.

Сергей Беляков пытается смешать три разных вопроса: «являются ли украинцы отдельным народом», «должно ли существовать государство Украина» и «каковы границы проживания украинцев». Он вбрасывает заведомо ложный тезис: «Признать украинцев отдельной нацией, значит, признать их право на независимое государство». Разумеется, это не так! Валлийцы много веков являются отдельной нацией в составе английского государства, баски в составе испанского, и так далее. Совершенно очевидно, что не все народы имели, имеют или будут иметь собственные государства. Никто не спорит с тем, что татары, латыши или якуты – это отдельные народы. Однако они являются неотъемлемой частью судьбы исторической России и не имеют права на собственные политические государства. С украинцами и белорусами, однако, ситуация иная. Если бы украинцы как отдельный народ существовал, то и тогда он должен был бы входить в состав Российского государства; просто такого народа не существует.

Беляков, не раз критиковавший Гумилева и его теорию этногенеза, неожиданно рядится в тогу ее защитника и заявляет, что «этнос – это процесс», и потому, дескать, те же казаки могут то быть этносом, то не быть, то снова быть, и так по несколько раз. Гумилев, при всей имевшей место путанице в его терминологии, все-таки до такого наперсточничества никогда не опускался. Единожды возникший этнос должен пройти свой путь до конца, до полного растворения или же сохранения в виде карликового реликта. Беляков, по мнению которого в 1917 году казаки были отдельным от русских народов, а сейчас вроде бы уже нет, играет в мыльные пузыри, не имеющие никакого отношения к реальности, хотя имеющие отношение к низкопробной пропаганде.

Александр Ефремов привел столько безупречных доказательств того, что малорусские говоры – это диалекты русского языка, а малороссы и казаки – субэтносы русского народа, что добавлять что-то к этому будет просто излишне. Что же пытается противопоставить этому Беляков, помимо ругательств? Ни одного факта, а только пересказ субъективных оценок.

Беляков с упоением цитирует маститого английского русофоба Уоллеса (из идейной обслуги Дизраэли), пытавшегося противопоставить великорусов и малорусов. Разумеется, Беляков делает вид, что ему незнакомы объективные выступления английских русофилов – по-настоящему тонких мыслителей, путешествовавших по России: Уильяма Стэда, Стивена Грэма, Уильяма Биркбека, равно как и норвежца Кнута Гамсуна. Цитировать Уоллеса в качестве доказательства – это всё равно что цитировать, скажем, Си-Эн-Эн или «Радио Свобода». Однако, заметим, даже и Уоллес сравнивал отношение

великороссов и малороссов с отношением между англичанами и шотландцами, нисколько не оспаривая ни вхождение Англии и Шотландии в унию под общей короной, ни единства английского языка как общего языка двух наций (конечно, «шотландский язык» использовался в художественной литературе и молитвенниках уже в XIX веке, но все прекрасно осознавали и осознают его как региональный вариант английского). К чести великих шотландских писателей, они использовали его для колорита в своих произведениях на местные сюжеты, но в остальных случаях всегда писали на литературном английском языке. То есть поступали так же, как изначально поступали и украинские писатели XIX века. Гоголь стал русским Вальтером Скоттом и русским Джорджем Макдональдом в одном лице. Подобно тому как и те были шотландцами до мозга костей по любви к своей малой родине, но стали всемирно известны именно как образцы высочайшего английского духа, – связанный тысячью нитей с Полтавщиной Гоголь стал общерусским и мировым гением.

В отличие, разумеется, от Тараса Шевченко. По поводу которого Александр Ефремов поддержал позицию Олеся Бузины, покончившего с советскими мифами о нем. Советская власть создавала культ Шевченко в одном ряду с культом Белинского, Добролюбова, Чернышевского, то есть публицистов, а не писателей (назвать роман «Что делать» художественным произведением ни у одного здравомыслящего критика язык не повернулся). Шевченко тоже создавал революционные агитки в стихотворной форме на языке, который отличается от современного официального украинского гораздо сильнее, чем язык Пушкина от современного русского (здесь Беляков вновь не удержался от того, чтобы солгать). Поэтому когда Ефремов говорит, что Шевченко – это не гений и даже не талант, то это не вопрос вкуса, а вопрос объективной оценки. Гениями мировой литературы являются те, кто создавал широкомасштабные духовные произведения всемирной значимости, как правило, не на местном (или, во всяком случае, не только на местном) материале. Если бы Пушкин написал только пару русских сказок в стихах и пару патриотических стихотворений, то он не получил бы такой репутации. Но он писал на античные, европейские, исламские сюжеты, он писал о вечных проблемах человеческой души, а не о «ридной нэньке». Данте, Мильтон, Гёте писали о рае и аде, а не о заборчике «коло хаты». Тассо, Ариосто, Спенсер писали поэмы отнюдь не об окружавших их казачках. У Чэнъэнь создал грандиознейший роман в мире о «путешествии на запад», а не о китайских «рагулях». Поэтому ни Котляревскому, ни Шевченко, ни Лесе Украинке, ни Ивану Франко места в большой мировой литературе просто нет – в отличие от Гоголя, чьи темы являются поистине всемирными. Конечн, нельзя отрицать при этом факт наличия определенного таланта и искренности у того же Ивана Франко – это был честный литератор местного масштаба, который воспринимал украинскую культуру своей Галиции именно как провинциальный вариант русской культуры, что и вызывало ненависть нациста Дмитро Донцова. Современной бандеровской Украине оказались не нужны не только Гоголь, но даже и Франко. Ей нужны только русофобы Шевченко, Донцов, Леся Украинка. О ней, кстати, отдельный разговор. Беляков кипит возмущением: как, мол, не стыдно Ефремову принижать эту писательницу, которая тяжело болела и страдала? Но аргумент ad hominem здесь не проходит. Тяжесть болезни Леси Украинки (которая, призывает читателей прослезиться Беляков, «превратила жизнь поэта в подвиг») не может отменить того факта, что с точки зрения мировой литературы она не представляет ничего, зато русофобии у нее было предостаточно («хай згине цар!»).

Беляков с жаром отстаивает мифы «украинофилов»: мол, Шевченко равен Пушкину, «оскорблять» его нельзя, вообще украинскую словесность называть «малоинтересной, провинциальной фольк-словесностью» тоже нельзя, «а то украинцы обидятся». Но слова Ефремова остаются предельно точными и абсолютно верными: ибо НЕ является провинциальной фольк-словесностью как раз Гоголь, которого Беляков считает «подвисшим» между русской и украинской идентичностью, хотя сам великий писатель прямо говорил, что обе идентичности живут в нем воедино. Ибо выражение

«украинский писатель» может стоять только в ряду с выражениями «сибирский» или «рязанский писатель». Выход за пределы своего диалекта и местной тематики автоматически выводит их на уровень общерусского литературного языка. После спора евразийца Н.С. Трубецкого с Дорошенко в 20-е годы нет нужды подчеркивать, что литературный русский язык после Петра Первого был создан во многом усилиями малорусских и белорусских литераторов и потому является поистине общерусским. Именно этот общерусский язык преподавался даже во Львове в XVIII веке, до всякого Котляревского. Беляков, однако, делает вид, что аргументы Н.С. Трубецкого ему незнакомы и вместо этого грязно оскорбляет его дядю, выдающегося русского философа Е.Н. Трубецкого, предельно точно назвавшего малороссийский диалект захолустным и провинциальным.

Александр Ефремов привел совершенно очевидные примеры с французскими и немецкими диалектами, на которых тоже существует своя литература и даже (о времена, о нравы!) Википедия. Сергей Беляков не смог их опровергнуть. Разница между баварскл-австрийскими, алеманнскими и нижненемецкими диалектами гораздо дальше, чем между говорами Галиции и Архангельска. Бавария, Австрия, Саксония, Пруссия, Гамбург веками были отдельными государствами – в этом действительно есть сходство с судьбами Великих княжеств Московского и Литовского как двух крупнейших русских государств, подобных Пруссии и Австрии. Однако никогда никто не ставил под сомнением объективное существование немецкого единства. Deutsche Volk был объективной реальностью как минимум со времен Оттонов, и потому даже в эпоху раздробления на 300 княжеств литературная норма немецкого языка стала единой. (Правда, на периферии есть еще нидерландско-фламандская литературная норма, но ее наличие никогда не смущало немецких лингвистов, поскольку нижненемецкий диалект в Нидерландах не отличается от такового же в собственно Германии).

Беляков, правда, пытается доказать, что окситанцы и бургундцы – это изначально не французы; однако права на собственное государство они от этого всё равно получить не могут. Просто потому, что и Прованс, и Бургундия изначально входили в корону Меровингов и Каролингов, как Малороссия и Белоруссия входили в корону Рюриковичей. При этом, заметим вскользь, окситанский язык действительно произошел напрямую от латыни наравне с французским после VI века, в то время как разделение древнерусского языка на украинские, белорусские и великорусские диалекты начинается лишь с XIV века, так что по сей день весь ареал от Карпат до Тихого океана (с возможным исключением Закарпатья) представляет собою сплошной диалектный континуум. Впрочем, какое это имеет значение, если в Донецке и Одессе все равно говорят не по-малорусски, а на стандартном русском языке? Какое это имеет значение, если абсолютная невозможность понимания между носителями китайских языков не мешает им быть китайцами, абсолютная невозможность понимания между мегрелами, сванами и грузинами не мешает им чувствовать свою судьбу частью грузинской судьбы?

Закончив с лингвистическими аргументами, перейдем к аргументам историческим. Их у Сергея Белякова ровно три. Первый заключается в том, что якобы доминирование черносотенства на Украине, в Белоруссии, в Бессарабии было «эфемерным», а на самом деле малороссы только притворялись, а руководили Союзом русского народа там якобы приезжие великороссы. Это чистой воды фантастика, а говоря прямо, ложь. Достаточно посмотреть на список членов крестьянских депутатов-малороссов фракции крайне правых в III и IV Государственной Думах: Данилюк, Андрейчук, Никитюк, Герасименко… Достаточно вспомнить, что активность Почаевского отдела СРН была настолько высокой, что петербургское правительство было всерьез обеспокоено угрозой беспорядков волынских крестьян против польских помещиков. Крестьян, которые позиционировали себя именно как русские православные монархисты. В той или иной степени Почаевский отдел охватывал своими организационными усилиями до миллиона крестьян, благодаря чему и занимал уникальное автономное положение внутри СРН. А ведь помимо него были

в Малороссии и другие организации, от черносотенных до умеренно-правых! Тот же «Киевлянин» Василия Шульгина, тот же националист Сикорский, тот же Владимир Бобринский – по политическим меркам, либерал, но в то же время пламенный русский патриот, сыгравший огромную роль в поддержке русофилов Львова в славном 1914 году! Вместо этого Беляков говорит только о 800 делегатах петлюровского съезда в 1917 году, которые «рыдали в голос, припав головами к спинкам кресел; многие вытирали слёзы кулаками или рукавами гимнастёрок». Типичное поведение психопатов. Но мы-то хотели услышать рациональную аргументацию, а не жалостливые рассказы о страданиях Тараса и Леси или о слезах психически неуравновешенной толпы в безумном 1917 году.

Второй исторический аргумент Сергея Белякова заключается в том, что якобы белые были слабы и проиграли петлюровцам, а красные победили, только взяв на вооружение лозунги украинизации. Якобы «пресловутая «украинизация» была их уступкой «украинским товарищам», уступкой, без которой не видать бы им Украины». Здесь всё неправда от начала до конца. Деникин успешно взял Киев и уступил его лишь большевикам, а не Петлюре, чья власть к этому времени съежилась до размеров кусочка нынешней Хмельницкой области. В Киеве большевиков ждал Михаил Булгаков, а вовсе не украинизаторы, сбежавшие на Запад. Наконец, большевики начали насильственно насаждать украинизацию в Харькове, Донецке, Луганске, Мариуполе, Одессе, то есть там, где никакой УНР и никакого Петлюры не было вовсе и где это не могло быть никакой «уступкой».

Третий исторический аргумент Белякова сводится к утверждению, будто никто на Украине сейчас не пропагандирует никаких «древних укров». В том, что и это тоже ложь, можно убедиться, открыв украинские учебники на разделе о происхождении слова «Украина». «Племя укров» придумали еще польские пропагандисты в XIX веке, и с тех пор этот миф не умирал. Автор этих строк своими глазами видел надписи про «укров» в Одессе еще при Кучме.

Подведем итоги. В конце своей статьи Сергей Беляков призывает русских «открыть глаза», «лучше знать своего противника» и доходит даже до утверждения, что «нельзя жить в мире и дружбе с соседом, не уважая язык этого соседа, его поэтов и его героев». Но ведь нет никаких «мы» и «они». Есть единый народ с его региональными вариациями. Мы хорошо знаем имена истинных поэтов и героев Малороссии – это Григорий Сковорода и Николай Гоголь, Николай Костомаров и Пантелеймон Кулиш, Сидор Ковпак и маршал Павел Рыбалко, истинные киевляне Дмитрий Пихно и Михаил Булгаков. Истинные герои Галиции, Буковины, Закарпатья – это отец Иоанн Наумович и отец Максим Сандович (жертвы австрийского геноцида), Юрий Гуца-Венелин и Игорь Грабарь, Андрей Бродий и Стефан Фенцик, Иван Франко и предстоятель РПЦЗ митрополит Лавр, это убитые бандеровцами Ярослав Галан и священномученик Гавриил Костельник. Истинные герои Украины – это убитый уже в 1999 году львовский профессор Масловский и убитый в 2015 году Олесь Бузина. В зависимости от политических взглядов одни предпочтут добавить в этот список Василия Шульгина, другие Николая Щорса, третьи Нестора Махно, но все они – действительно герои своей прекрасной малой родины. Именно их каждый русский человек должен знать, уважать, любить, как любить и малорусские диалекты в законной сфере их применения – в песнях, сказках, колядках.

Итак, вот истинный пантеон героев Украины – Украины как совокупности юго-западных русских земель. «Земля обвиняет» – так называлась книга профессора Масловского о преступлениях ОУН-УПА против собственного народа, за которую его сначала уволили из Львовского университета, а потом и убили. «Я слишком горжусь своей страной, чтобы быть националистом», – говорил он. Да, это сама Русская земля обвиняет «украинствующих». Русская земля вопиет против выступлений Сергея Белякова.

Украинский народ как совокупность русских, проживающих на территории Украины, существует. «Украинского народа» как чего-то отдельного никогда не было и нет. Однако была и есть политическая партия «украинствующих», к которой, к

сожалению, принадлежат не только некоторые малороссы и евреи, но и люди с чисто великорусскими именами типа Сергея Белякова. В одном Беляков прав – эта партия имеет корни и «в эпоху Гоголя», в первой половине XIX века, когда часть многочисленного малороссийской шляхты, которой не достались государственные льготы, начала заигрывать с «автономизмом». Однако это предмет серьезных исторических штудий, которыми сейчас занимается, например, Андрей Тесля, а не спекуляций и пропаганды, как у Белякова.

С таким политическим «украинством» у русского народа и Российского государства не может быть ни мира, ни перемирия. Ибо «украинство» вычеркивает всех перечисленных действительно славных сынов этой земли, заменяя их голым отрицанием, «Не-Россией» и открыто выражая желание «идти до Москвы». С таким политическим «украинством» возможна только война на полное уничтожение.

Сергей Беляков, видимо, считает сам себя «русским европейцем». Это не так. «Русскими европейцами» считали себя такие деятели, как Константин Кавелин, Евгений Трубецкой, Петр Струве и всё те же Михаил Катков, Василий Шульгин, Владимир Бобринский. Все они видели Россию как во многом европеизированную и либеральную, но в то же время единую империю единого русского народа, в которой никакого отдельного «украинского народа», противопоставленного русскому, не могло бы априори. Такой «русский европеизм» вполне допустим как одна из позиций внутри русской политики. Русскому патриотизму Белякову следовало бы поучиться как раз у Каткова и Струве, если он не хочет учиться ему у Маркова и Дубровина. Ибо между «русским европейцем» и украинским «цеевропейцем» – непреодолимая пропасть.

А войну, как мир, нам всё выигрывать придется. Правда, для этого врага можно знать хорошо, можно не очень хорошо – главное знать, что он нам враг и что его нужно уничтожать. Александр Ефремов уверен, что потеря Западной Руси для нас – в который уже раз – временная и мы еще вернем ее. Сергей Беляков прямым текстом призывает отказаться от нее раз и навсегда, отказаться от Почаева, Киева и даже Харькова. Под маской «русского национал-демократа» обнаруживается заурядный украинствующий шовинист. Но история расставит всё по своим местам. Мы еще увидим во Львове улицы Гавриила Костельника и Максима Сандовича. Вся Украина снова станет по-настоящему русской – «або безлюдной», каковой она своими собственными усилиями и при активной поддержке Запада уже и становится в последние три десятилетия.

Максим Медоваров